

РАБОЧАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

А. ФАДЕЕВ

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

ПАМЯТИ ИГОРЯ СИБИРЦЕВА

№ 3

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

1925

МОСКВА

Типография „Заготхоза“ милиции
Республики. Н.-Лесной, 19.

Главлит 38742. Тираж 5000.

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Памяти Игоря Сибирцева

I

Настоящее название полка было 22-й Амгуньский стрелковый, а его рядовые бойцы во всех официальных приказах именовались народоармейцами ¹⁾. Но человек, около года не вылезавший из сопок, вскормивший несчетное количество вшей, исходивший все таежные тропы от Зейских истоков до устья Амура, привык к безвластию и безнаказанности и боялся порядка и дисциплины. А в новых наименованиях и, главное, в цифрах ему чудилось недопустимое посягательство на его свободу, завоеванную путем многих лишений в угрюмых обомшалых становицах. И бойцы 22-го Амгуньского полка продолжали называть себя партизанами, а полк свой по

¹⁾ На Дальнем Востоке армия называлась не красной, а народно-революционной.

имени старого командира — просто Семенчуковским отрядом.

✓ Это была упорная и жестокая борьба между старым названием и новым, между выросшей и черноземных падах партизанской стихией и выплавленной в жарких вагранках, окрепшей на железнодорожных путях разумной классовой волей. За старое боролся весь полк во главе с командиром Семенчуком, за новое — комиссар полка Челноков.

✓ Силы противостояли неравные. Не только потому, что Челноков был одинок, но и потому, что это происходило в местности, где мало вагранок и железнодорожных путей, где так короток день, а ночь длинна, где густ и мрачен лес, где воздух сыр и ядовит от болотных испарений, где зверь в лесах силен и не пуглив, а человек — бездушен и мохнат, как зверь.

Семенчуковский отряд оказался сильнее Амгуньского полка. Это произошло после разгрома под Кедровой Речкой хмарным и слизким утром, на левом фланге красного фронта.

Сгрудившись у гнилого, поросшего мохом и плесенью охотничьего зимовья, Семенчуковский отряд митинговал.

✓ — Куда нас завели?! — кричал, взгрозившись на пень, лохматый детина.

Весь — костлявая злость от головы до пят, обвешанный грязными шматками полгода не сменявшейся одежды, он походил на загнанного таежного полка.

— Нас завели на верную гибель!.. Нас продали!.. Владивосток занят, Спасск Приморск занят, Хаба-

роиск займут, не сегодня-завтра займут Иман, куда мы пойдем?.. Мы партизаны, амурцы. Мы мерзали в сопках за наши хлеба и семьи. Пора уж и домой. Довольно покормили вшей, пойдем за Амур!.. Там тоже советская власть—мы ее поставили! Пущай приморцы сами свои края защищают!.. Пущай Челноков сам повоюет... с рыбой со своей, с тухлой...

И из человеческого месива, где озлобленные лица, обдрипанные шинели, штыки, пантронташи, подсумки и мокрые ветви загаженного людьми ельника сливались в одно оскаленное щетинистое лицо,—неслось:

— За Амур!.. За Амур!..

— Довольно!..

— Ну, как вы попадете за Амур?—стараясь быть спокойным, говорил Челноков.—Через фронт вам не пройти—раз. Через Хорские болота и подавно не пройти. Остается Уссури. Как вы через нее переправитесь?.. Пароходов ведь нет!..

— Вре-е-шь!..—кричали из толпы.—Омманывают!.. Есть пароход!.. А грузы на чем эвакуируют?.. Сволочь!..

— Этот пароход вас не возьмет...

— Мы сами его возьмем!..

— Он всегда и так перегружен...

— Разгру-узим!.. Вот невидаль, поду-умашь!..

— Так ведь не в этом суть,—не сдавался Челноков.—Ведь мы оголяем фронт! Из-за нашего ухода вся область пропадает!..

— А что мы—сторожа?!—надсаживался лохматый детина.—Чего вы приморцев не держали? Небось,

в тылу сидят, одеты и обуты!.. Одних штабов, как собак, расплодилось!..

— Верно, Кирюха!.. В тылу!.. Галифен шириной в Амур распустили!

— Нельзя так рассуждать, товарищи! Ведь на нас тоже лежит ответственность. Если другие бегут, это не значит, что и нам надо бежать!.. У меня есть сведения, что во Владивостоке уже ведутся мирные переговоры. Давайте обождем!..

У Челнокова был сильный басистый голос, и говорил он по выработавшейся привычке, тоном полубеждения, полуприказа. Но масса не слушалась комиссара. Вчера, ругаясь с ним из-за продуктов, она еще чувствовала в нем силу и нехотя подчинилась ей. Это не было, как в прежние дни, сознательное уважение к старшему товарищу, а просто последние не вытравленные революцией остатки робости перед начальством. Они проявлялись тем сильнее, чем независимей, храбрей и строже держался начальник. Но сегодня это уже не помогало. Сегодня масса не боялась и ненавидела комиссара. Он являлся единственным препятствием на ее пути. Вопрос ясен. К чему этот разговор?

— Дово-ольно!..—кричала толпа.

— Долой комиссара!.. Отзвонил свое! Даешь в отставку!..

На заросшей завалинке зимовья сидел Семенчук и ждал. В волнующейся толпе странно было видеть его притаившуюся безучастную фигуру. И, несколько раз ловя на себе его хитрый выжидающий взгляд,

Челноков думал, что это единственный человек, который мог бы еще удержать полк. Но Семенчук молчал. Он сам был амурец, ему надоело воевать, а симпатии толпы так изменчивы, что не стоит рисковать своим авторитетом за чужое дело.

Челноков говорил привычные слова, а мысли нервно и торопливо копошились в его голове, отыскивая иные выходы. „Этакая скотина,—думал он про Семенчука.—Давно расстрелять пора... Хоть бы слово сказал, успокоил“...

— За Амур! — рвался через тайгу в золотистые амурские пади стихийный тысячеголовый рев.

— Слушай, Семенчук, — сказал Челноков, наклоняясь к командиру, — если они уйдут, ты будешь отвечать.

Семенчук насмешливо улыбнулся.

— При чем тут я?.. Мое дело маленькое.

— Врешь! — не выдержал Челноков. — Ты продаешь весь фронт за свой командирский значок!..

— Что-о?!

Семенчук вскочил, как ужаленный. В его напряженной позе скользнуло что-то кошачье. Даже желтая шерсть тигровой тужурки, казалось, вздыбилась, как живая.

— Товарищи!.. Вы слышали, что сказал комиссар? Вы слышали, что он сказал?.. — Голос Семенчука дрожал от деланного гнева. — Мы, что целый год страдали в сопках, падали под пулями, топили в болотах, кормили мошкар, мы, оказывается, предатели революции! А они, что пришли на готовенькое, надели

френчи и сели на наши шеи, они—спасители?! Убейся вон!—рявкнул он злобно.

Его толстая шея вздулась багровыми жилами, и широкое скуластое лицо налилось кровью.

Челноков схватился за револьвер и шагнул к командиру.

— Если ты думаешь на этом сыграть...—сказал он с зловещей сдержанностью... Но грозный рев заставил его повернуться к массе. Отовсюду, где только виднелись люди, смотрела на комиссара стальная щетина неумолимых ружейных дул.

— Уйди-и!..

Челноков принял руку с кобуры и несколько мгновений изучал толпу. Из-за каждого дула впивались в него горящие угрозой и ненавистью глаза. Не глаза—ежи. Угли! И ни в одном не теплилось ни тени сочувствия. Ни тени. Только угроза и ненависть. Может быть, кровь и смерть...

Челноков опустил голову и медленно сошел с завалянки.

— Красные!—крикнул Семенчук.—Я всегда был с вами, а вы со мной!.. Слушай мою команду!.. Построиться!..

Винтовки опустились одна за другой. В толпе зашипыряли ротные командиры.

— Первая рота, собирайся!..

— Вторая рота...

Резкие выкрики команд казались неуместными под мохнатыми елями, в распушенной массе голодных людей и тотчас же глохли где-то в заржавленном

мохе карчей. Роты строились наспех, как-нибудь, и уползали в чащу по грязной дороге. Оседланная лошадь комиссара неистово ржала и металась на привязи. Под сотнями ног трещал низкорослый ельник.

— Винтовки хоть бы на плечо взяли...—неуверенно предлагал кто-то.

— Во-от еще, на плечо...—гудели недовольные голоса.—Мы и на ремне донесем... Старый режим, што ли...

— Покомандовали уж над нами, будя!..

Оставшийся у зимовья комиссар слышал в удаляющихся голосах нотки радостного возбуждения и наивной, почти детской уверенности в окончание всех бед и страданий на этом свете.

Если бы Челноков имел желание и возможность заниматься холодными наблюдениями, он пришел бы к выводу, что покинувшие фронт люди не являются ни врагами, ни предателями революции. Вся их беда заключалась в том, что они были темны, как взрастивший их чернозем, смертельно устали воевать, а дома их ждали собственные земли, избы, семьи и такой заманчивый домашний уют. Но Челноков происходил из жесткой синеблузой породы, не имевшей ни изб, ни земель, не знавшей семейного уюта и не склонной к бесстрастным суждениям в подобные минуты. Он видел только, что в порученном ему участке красного фронта образовалась дыра шириною в 12 верст, которую теперь нечем было заткнуть. В эту дыру в любой момент могли пройти японские части, и тогда уж никому не удастся поми-

тинговать на всем пространстве от Кедровой Речки до Владивостока. Он не думал о том, что случайный неприятельский разведчик задолго до предполагаемых событий сможет покончить с его собственным существованием, но ведь это разумелось само собою.

Нет! Челноков не склонен был к беспристрастным суждениям! „У-у, чортово полено,—думал он про Семенчука.—Хоть бы пяток надежных ребят с пулеметом.. Я бы ему показал „за Амур“... Но надежных ребят не находилось. После своего поражения Челноков был еще более одинок, чем в начале борьбы.

Его лошадь запуталась в поводу и, вспенив губы, жалобно фыркала.

— Тише, ты-ы!—сердито закричал Челноков.

Он несколько раз ударил ее хлыстом по крутому заду и выругался самыми скверными словами, какие только знал. ✓ Неизбежный вопрос: что делать?—сверлил уставшую голову. Он сел на завалинку и стал размышлять. Это было не очень приятное и не легкое занятие. Комиссар не спал уже около суток. В висках стучало. Он сжимал голову большими шершавыми ладонями, и его сухие и ломкие, как старая оленья шерсть, волосы топорщились на голове смешными хохолками. Фуражка защитного цвета лежала у ног, и в ней хозяйничали рыжие болотные муравьи. Шум шагов и людские голоса давно уже замолкли вдали. Только в ольховнике у ключа робко посвистывали мелкоглазые рябчики. На левом флаге:

ге красного фронта комиссар Амгуньского полка был совершенно одинок.

Он медленно расстегнул кобуру и вытащил наган. Долго с интересом наблюдал, как ленточкой отлиывает смазанная вороненая сталь, и так же серьезно и вдумчиво взвел холодный курок. Однако, он не выстрелил сразу, а решил еще подождать и подумать. Он привык отрезать только один раз, но зато после семикратной примерки.

И, действительно, мысли его приняли иной оборот.

— Так нельзя,—сказал он, строго глядя на лошадь. Слова эти относились, однако, не к ней, а к самому комиссару. В них не чувствовалось теперь ни отчаяния, ни злобы, а только спокойная и суровая уверенность человека, пришедшего к неприятному, но правильному выводу.—Так нельзя,—снова повторил он вслух.—Тебя все равно расстреляют, но предупредить о случившемся ты обязан.

Это звучало совсем определенно.

Придерживая курок нагана большим пальцем правой руки, Челноков опустил его на место и спрятал револьвер в кобуру. В его движениях не чувствовалось волнения или страха. Он поднял с земли фуражку и стал чистить ее мокрой еловой веткой. Ему не хотелось, чтобы даже в его одежде был хоть один намек на панику. Правда, он не сумел удержать полк, хотя и должен был сделать это. Но это еще не означает, что все остальное может идти спуская рукава.

Челноков отвязал лошадь и, вскочив в седло, выехал на дорогу. Лошадь рвалась в ту сторону, куда ушел полк, а он заставлял ее идти в другую. Несколько секунд они вертелись на одном месте, пока ей не стало ясно, что обстоятельства переменились. Тогда она повиновалась человеку и, закусив удила, понеслась к штабу фронта на ст. Бейцухе.

II

В очередной оперативной сводке Иманская „Рабоче-Крестьянская газета“ писала:

„12 мая наши части, под давлением превосходных сил противника, оставив раз'езд Кедровая Речка, отошли на линию ст. Бейцухе. Дальнейшее продвижение противника приостановлено...“

Прочитав сводку, командующий северным фронтом невольно улыбнулся. Это была горькая, спрятанная в усы, улыбка. Он лучше всяких газет знал, что поражение под Кедровой Речкой являлось на самом деле разгромом красного фронта. „Превосходные силы противника“ заключались в одном батальоне, разогнав десятитысячную армию. „Движение противника“ отнюдь не было приостановлено, но он сам не пошел дальше, боясь распылить многочисленные силы по мелким станциям и раз'ездам.

Это кошмарное дело десятками отдельных моментов запечатлелось в голове командующего фронтом, вцепилось в его мозг сотнями своих остриев. Оно лишило его сил, связало руки, парализовало волю. Перед его глазами все время лежал громадный кусок Амурской долины, по которому уверенно перестраивались цепочки, квадратики, линии маленьких косоглазых людей, внушавших мистический ужас защитникам кедрово-реченских позиций. И потом... эта неудержимая звериная паника, с оставлением орудий, винтовок и амуниции, с беспощадными драками между своими из-за каждого паровоза, вагона или двуколки, с бессмысленными, полными дикого страха, потными, измученными, уже нечеловеческими лицами. А когда штабной вагон попал, наконец, на ст. Бейцухе, он видел на платформе сухого сморщенного с мочальной бородкой старика, грозившего скрюченным пальцем и кричавшего с пеной у рта:

— Дизельтиры!.. Мать вашу бог!.. Мы дали вам одежду, мы дали вам хлеб, а вы нас японсу продаете?! Будьте вы прокляты!.. Вы -и ващи дети!..

Теперь не только в Приморье, но и за Амуром, и в Прибайкальи, и за Байкалом—Кедровая Речка стала нарицательным именем, символом панического бегства, трусости и позора.

Командующий фронтом посмотрел на карту. В этом злополучном краю даже военные карты были составлены неверно. Справа от ветки тянулись непролазные Хорские болота. Верховья реки Хор и ее

притоков были помечены пунктиром. Там не ступала еще человеческая нога. Хорские болота являлись поэтому самым постоянным и надежным союзником революции. Через них никто не мог пройти, а сами они не могли убежать. Плохонькие позиции перед Бейцухе занимал недавно сформированный коммунистический отряд. Половина его бойцов была набрана из ставших ненужными, за развалом частей и учреждений, военных и гражданских комиссаров. Большинство из них привыкло командовать, не любило подчиняться и искало путей, как бы попасть в Советскую Россию.

Левее расположилась эвакуированная в эти края еще Колчаком авиационная школа. Командующий вспомнил сцену, разыгравшуюся в штабном вагоне перед отправкой авиаторов на фронт.

— Что вы делаете?—горячился начальник школы.—Ведь у меня квалифицированные силы! Они учились столько лет для авиации, а вы их посылаете в качестве пушечного мяса!..

— Если вы будете заниматься критикой распоряжений, я вас отдам под суд,—строго сказал командующий. Но он вспомнил, что после Кедровой Речки нигде не существует никаких судов, а если бы они и существовали, то некому было бы приводить в исполнение их приговоры. Тогда он взял начальника школы под руку и, переходя на дружеский тон, сказал:

— Вы видите, в моем распоряжении не найдется и одного дивизионного полка, если я все сведу вме-

сте. А у Каппеля я командовал хорошей дивизией. Теперь все перепуталось. Если бы были машины, мы бы пустили вас летать, но ведь машин нет!.

У Каппеля командующий фронтом никогда не пытался и не имел надобности оправдываться перед подчиненными, но с той поры утекло не мало воды.

Все-таки авиационная школа исполнила приказ. Там находились люди, привыкшие к повиновению.

На левом фланге на нескольких пунктах значился по штабной карте Амгуньский полк. Связь с ним была еще плохо налажена. Полк считался ненадежным. Во всяком случае, это был единственный неразвалившийся полк, в порядке отступивший из-под Кедровой Речки.

Командующий снова взял газету, но чтение не шло на ум. Он выглянул в окно. Везде было так пустынно, так неприглядно, что не верилось, будто на этой заброшенной станции находится главный мозг фронта. Да был ли у такого фронта хоть какой-нибудь мозг?

Из станционного здания подпрыгивающей походкой шел к вагону комиссар Соболев. Он был очень маленького роста и, шагая через прогнившие дыры платформы, в своем черном обмундировании напоминал беззаботного вишневого жучка. Командующему он казался скорее неутомимым муравьем, несущим на себе непосильную ношу.

— Хорошие вести, — сказал комиссар, заходя в вагон. — Из Владивостока пришел тайгою на Иман

матросский отряд; вот телеграммы...—Он бросил на стол пачку розовых бумажек.—На Имане восстановлен порядок, ловят дезертиров. Ревштаб извещает, что кой-какие полки удастся привести в боевой вид... Ей-богу, мы сможем выправиться на этом деле!..

Командующий прочел телеграмму из Иманского ревштаба и просмотрел остальные. По его мнению, везде дела обстояли по-старому. Кроме Имана, на всех станциях хозяйничали дезертиры. На Шиловской избili коменданта станции. В другом месте разграбили склад с обмундированием. Разнузданная стихия гуляла по всей Уссурийской ветке.

— Боюсь, что нам уже ничего не поможет,—сказал он, прочитав последнюю телеграмму и передавая ее комиссару.—Вы читали это?..

Телеграмма извещала, что пароход, эвакуировавший военные и железнодорожные грузы по реке Уссури за Амур, выехал в третий рейс. Телеграфный язык не знал правил правописания—ни больших, ни малых букв, ни запятых, ни кавычек. Подпись: комендант пролетарий селезнев—нужно было читать: комендант парохода „Пролетарий“ Селезнев.

— Что ж, молодчага! — воскликнул комиссар.—Этого парня я знаю только по телеграммам, но он чертовски исполнительный человек! Можно б было жить, ежели б все были такие.

Командующий смотрел на комиссара и, как всегда, удивлялся, откуда набирается бодрости эта маленькая невзрачная фигурка. Сам он давно уже

работал механически. Он был совсем одинокий человек, и с развалом фронта ему некуда было идти. Он провоевал четвертую часть своей жизни, из которой почти три года пришлось на борьбу с Советской Россией. Теперь она маячила перед ним, как последнее и единственное убежище.

— Дело не в исполнительном человеке,—сказал он сухо,—дело в эвакуации. Когда этот пароход поехал в первый рейс, я сразу понял, что дело пахнет ликвидацией. Ревштаб вывозит все, что можно. Приморье спело свою песенку. Нам тоже пора кончить. Я так думаю.

— Ну, и плохо, что вы так думаете! — вспыхнул комиссар. Ему надоели вечные толки о ликвидации, за которыми шел неизбежный разговор о Советской России.—Наша беда и заключается в том, что так думают почти все, начиная от главкома и кончая последним дезертиром! Но ведь нам, черт возьми, предписано держаться, а не ликвидироваться! Вы думаете, мне не хочется в Советскую Россию? Вы думаете, я не устал от всей этой чертовщины?..— Лицо комиссара невольно сморщилось в жалкой гримасе, и из каждой морщинки из-под напускного огонька в глазах выглянула вдруг десятками обнаженных истрепанных нервов мертвящая обезволивающая человека усталость.—Но, вы помните, я говорил, что надо идти против течения! Какой я, к черту, комиссар фронта? Я вам говорил, что я просто токарь военного порта. Но раз я поставлен комиссаром, я должен им быть: не спать почей, стрелять дезертиров, ругаться с полками, реквизировать хлеб,

бороться до тех пор, пока меня самого не сволокут в придорожную капаву!.. Я начинаю и кончаю свой день с этой мыслью. Я подвинчиваю себя каждый день невидимыми гайками до последней степени, до отказа... Я все время иду против течения и тащу за собой всех, кого только можно тащить при помощи слова или нагана!.. Чорт возьми!.. Я буду итти и тащить, куда хватит моих сил! Я уж вам не раз говорил об этом...

Соболь снова уткнулся в телеграмму, а командующему казалось, что из неведомых низов, скрытых от растерянного глаза бурливой ядовитой накипью дезертирств, грабежей, ликвидаций, идет через сжавшуюся стальным комком фигурку комиссара упрямая, не гнушаяся сила.

Командующему хотелось сказать: „я тоже старый солдат и исполняю свой долг“, но эта фраза показалась ему слишком напыщенной при Соболе.

— Я привык к организованным войсковым единицам,—сказал он извиняющимся тоном.

Соболь ничего не ответил.

Неловкую тишину одиноко прорезал отдельный гудок паровоза. Оба ощутили легкое, едва заметное дрожание штабного вагона. Судя по гудку, паровоз шел с тыла.

— Это наш броневик,—сказал командующий.

— Наконец-то!..

Соболь швырнул телеграмму и, жуя на ходу вытащенный из кармана хлеб, вышел на линию.

Из темного провала сопки, раскидывая по отко-

сам ключья тяжелого дыма, неся к штабу новенький бронепоезд.

На перрон вышел сморщенный начальник станции. Пошмыгал по сторонам маленькими мышиными глазами и, увидев комиссара, подобострастно улыбнулся. „Трусит“, подумал Соболев беззлобно. Вдавливая рельсы, бронепоезд с грохотом промчался мимо. Из бронированного паровоза, смеясь, выглядывал седенький машинист. Соболев заметил у его пояса пару английских гранат.

Поезд остановился за станцией у стрелки. Из вагонов один за другим выскакивали серые фигуры. Впереди шел начальник штаба фронта и его помощник. За ними виднелись еще знакомые и незнакомые лица.

— Живем, Соболев!—весело кричал начальник штаба.—Смотри, какую штуку оттяпали! Недаром в Вяземских мастерских сделано!..

— Здорово, Соболев! Как дела, старый дружище?..—неслись из людской кучки бодрые и крепкие голоса.

— Чорт возьми... Шептало!—воскликнул комиссар, узнавая среди штабных начальника бронепоезда.

Черные закоптелые лица обступили комиссара со всех сторон. Они радостно трясли ему руки и что-то кричали наперерыв. Двое из вновь прибывших в одинаковых чистеньких френчах и кожаных галифе остановились поодаль и деланно улыбались.

— Не все сразу,—с нарочитой строгостью сказал комиссар.—Сначала о деле. Идите все на свои

места, потом поболтаем. Шептало и вы, — он посмотрел на отдельно стоящую пару, — пойдемте со мной.

— Рассказывай, — обратился он к Шептале, когда они зашли в купе. — А ты все такой же, — перебил он себя, невольно переходя с официального тона на дружеский. — Только пушком оброс да нос стал еще длиннее... Ну-ну, рассказывай...

Шептало сообщил, с каким трудом удалось ему сформировать бронепоезд. Он постоянно сбивался с тона и, брызгая слюной, возбужденно передавал не относящиеся к делу подробности. Этот девятнадцатилетний начальник — бывший телеграфист, а потом председатель уездной следственной комиссии — остался таким же жизнерадостным парнем, каким звал его Соболев.

— Понимаешь!.. Все уже было сделано, — кричал он на весь вагон, — уж и орудия поставили, и ни один машинист не соглашается!.. Кстати, насчет орудий: эта трусливая Никольская артиллерия никак не хотела отдавать. Рабочие из мастерских даже депутацию к ним посылали. „Мы, говорят, маялись, делали, а вы удрали с фронта, да еще орудий не даете?“ Ни черта не помогает!.. Тогда уж и я разъярился. Не дадите, говорю, — начну садить по лагерям из пулеметов!.. Все-таки отдали!..

Он весело засмеялся и, глядя на боевые искорки в его зеленовато-серых глазах, так же весело заговорил ему Соболев. Двое в кожаных брюках скептически переглянулись.

— Так пот, машиниста,—продолжал Шептало.— Я уж, брат, все службы—тяги, движения и еще чорт его знает какие службы облазил. Никто!.. Наконец, этот старичок: „Мне, говорит, все равно умирать...“ и поехал! Ей-богу...

Соболь смотрел на исхудавшее белобрысое лицо начальника бронепоезда и думал, что из этого парня будет толк. „Ничего, что немного звонит. Зато делает дело...“

— Ребята у тебя надежные?—спросил он вслух

— Ребята — что надо! — восторженно воскликнул Шептало.— Большинство со Свиягинской лесопилки. Есть трое батраков из Зеньковки. Тут, брат, комедия!.. Один из них рассказывал, что после Кедровой Речки он дезертировал домой. Так, понимаешь ли, собственная баба к себе на ночь не пустила! „Иди ты, говорит, к псу, сметанник!“ Ей-богу, так и сказала: „иди ты к псу!“ Сам рассказывал. „Стало, говорит, мне соромно, я и вернулся“...

— А вы как к нему попали?—обратился Соболю к парням в кожаных брюках.

— Они не ко мне, — сказал Шептало. Его потрепавшиеся губы скривились в насмешливую улыбку. Он презрительно полепил пальцами воздух и добавил:— Это так... случайные...

— У нас разрешение в Советскую Россию,—сказал один из них. Это был молодой белокурый парень с тонкими и правильными чертами лица. Когда он говорил, слегка улыбался, и его карие глаза лучились мягким и теплым светом.

— Так, — сказал комиссар. — Ну, мы еще поговорим. Шептало можешь итти.

Он долго и пристально разглядывал оставшихся в купе. Его маленькие черные усики страшно топорщились. Все трое молчали.

Соболь хорошо знал обоих по совместной работе во Владивостоке. Белокурый был матросом из музыкантской команды Сибирского флотского экипажа. Его товарищ, горячий неустойчивый латыш, слесарил во временных мастерских. В те времена это были на редкость хорошие ребята.

— Как же вас выпустили из Владивостока? — спросил комиссар пытливо.

Белокурый звучно рассмеялся.

— Там сейчас такая неразбериха, что, кого хочешь, выпустят. Везде хозяйничают японцы. Наши прячутся по слободкам. Старик Крайзельман совсем потерял голову. Когда мы ему подсунули бумажку, он сразу подписал. Я еще сказал Артуру, что, подсунь мы ему его собственный приговор, он бы также подписал. Факт!

При его словах латыш нервно дернулся на койке.

— Разве у нас вожды?! — резко закричал он. — У нас сапожники! Все потеряли голову, мечутся, как угорелые. Мы думали, што хоть на фронте порядок, а тут у вас тоже б.....! Скорей бы уйты их черту из этого краю!...

Он выразительно махнул рукой, и вся его мускулистая чуть сгорбленная фигура, казалось, говорила

о том, что он не желает больше валандаться со всякой мелочью.

— Так,—снова сказал комиссар. — И что же вы думаете делать в Советской России?..

Его голос чуть заметно дрожал.

— Я попробуюсь в Латвию,—буркнул латыш.

— А я пойду по культурно-просветительной части. До японского выступления я уж ударял по этому делу. Хотя я и матрос, но ты знаешь, что из меня плохой вояка. А каковы твои планы на будущее?

— Я думаю всю свою дальнейшую жизнь посвятить военному делу,—насмешливо процедил Соболев. — Ну, покажите, какую вам дали бумагу?..

— Ерунда, обыкновенный мандат. — Белокурый полез в бумажник. — А ты зря идешь по военной,—сказал он с сожалением. — Приморье погибло уже для Советской России, а в центре нужны люди для мирного строительства... Вот она...

Соболев взял протянутую бумажку и сунул, не читая, в карман.

— Теперь послушайте меня,—сказал он, неожиданно меняя тон. — Вы обманным путем ушли из Владивостока, забыв свой долг и бросив массы в самую тяжелую минуту. Я отдал бы вас под суд, ежели бы они не развалились. Я застрелил бы вас сам, ежели бы вы не были партияцами и у нас и без того не хватало толковых людей. Я жалею, что не могу сделать ни того, ни другого... Но я предлагаю...

— Это плохие шутки, Соболев,—недоуменно перебил латыш.

— Молчать!..—не выдержал комиссар. Он выхватил наган, и голос его звякнул, как лопнувший стационный колокол.—Сидеть смирно и слушать!.. Я предлагаю вам вот что: или вы пойдете в коммунистический отряд, дав мне слово, что не убежите, или я вас посажу под арест и не буду кормить до тех пор, пока вы не дадите мне этого слова и не пойдете в отряд!

— Соболев, что с тобой, ты с ума спятил?—удивленно забормотал матрос.

— Одна минута на размышление,—сказал комиссар, выкладывая часы.

— Не пойму...

В глазах белокурого померк их мягкий и теплый свет, и вся его фигура выразила удивление, беспомощность и, вместе с тем, сознание своей правоты.

— Я буду жалеться в Облаком!—вскипел латыш.—Это свинство!..

— Когда будешь в Советской России, можешь пожаловаться и в ЦК, там разберемся.

— Л...ладно,—сказал матрос после непродолжительного раздумья,—мы можем, конечно, пойти и в коммунистический отряд. Но с твоей стороны это—превышение власти. Ты определенно закомиссарился и ты за это ответишь. Я тебе говорю...

— 20 секунд осталось,—холодно обрезал комиссар.

— Да я же сказал, что мы пойдем!..

— Товарищ Сикорский!—крикнул Соболев, откры-

ная дверь.—Выдайте этим двум удостоверения в ком-отряд!.. Рядовыми бойцами,—добавил он после некоторой паузы.

— Эх, Соболев, Соболев...—с грустью протянул Белокурий.

— Канцелярия направо,—сухо сказал комиссар.— Я вас не задерживаю.

„Гас-тро-леры“... промышал он с непередаваемым презрением, когда оба спутника возмущенно выскочили из купе. Ему казалось всего обиднее то, что один был слесарем временных мастерских, а другой—матросом революционного экипажа.

— Товарищ комиссар!.. Телеграмма!..—крикнул, влетая в вагон, оборванный ординарец.

Соболев быстро пробежал поданную ему бумагу.

— Я же говорил, что мы еще выправимся на этом деле!—воскликнул он радостно.

Иманский ревштаб извещал, что 1-й полк приведен в боевой вид и ночью выедет на северный фронт. Наступление японцев с юга после семичасового боя было отбито матросским отрядом. За всю кампанию это была первая победа.

— Я же говорил, что мы выправимся!—возбужденно повторил комиссар.— Я же говорил, черт возьми!..

III

Соболев беседовал у бронепоезда с народоармейцами, когда одиночный всадник на взмыленной густогривой лошади выскочил из кустов и, быстро

осмотревшись по сторонам, поскакал к штабному вагону.

„Это еще что за личность“, подумал Соболев. Но, когда всадник соскочил с седла, он сразу узнал в нем Челнокова. До этого ему не приходилось видеть его на лошади.

Приезд Челнокова был слишком необычен. Соболев оборвал свою речь на полуслове и даже не пошел, а побежал к штабу. Комиссар Амгуньского полка угрюмо поджидал его, прислонившись к вагону. Видно было, что он страшно устал. Его лошадь тоже понурила голову и застыла на месте неподвижным кулем.

Соболев с силой сжал протянутую ему руку и несколько секунд не мог выговорить ни слова.

— Ну?!—прохрипел он, наконец.

— Амгуньский полк ушел с позиции,—тихо говорил Челноков.

— Т-сс!..—прошипел Соболев, до боли стискивая зубы.—Никому ни единого слова об этом... Здесь воздух полон паники... Идем в вагон...

Но, когда они вошли в купе, комиссар фронта не мог больше сдерживаться. Он яростно вцепился в грязный челноковский френч и, дрожа от переполнявших его существо бешеных противоречивых чувств, закричал тонким надорванным фальцетом:

— Как же ты допустил?.. Надо было держать з-зубами!.. Да что же у вас там... Челноков?!

✓ — Я сделал все, что мог,—угрюмо пробормотал тот.—Но я не сумел убедить...

— Убедить?! — яростно повторил Соболев. — Комиссар!.. Надо было не только убеждать, надо было стрелять!..

— Дело так сложилось, что я не мог даже вытащить револьвер... Они направили на меня винтовки...

— Какое мне до этого дело?.. Ты должен был удержать, понимаешь? До-олжен!.. Меня не интересует, убили бы тебя или нет!..

Соболев выпустил френч и возбужденно забегал по купе. Его маленькая растрепанная фигурка, мечущаяся в тесной и пыльной кабинке, как-то не вязалась с рослой, окаменевшей на месте фигурой Челнокова.

— Ты знаешь, что нужно сделать с тобой? — спросил вдруг Соболев, круто остановившись перед полковым комиссаром.

— Знаю, — сказал Челноков.

Соболев опустился на койку и сидел молча несколько минут. Слышно было, как в канцелярии кто-то неумело стучал на машинке.

В этой тишине слова комиссара прозвучали совсем по-иному.

— Федор... — тихо назвал он Челнокова. — Ты не забыл, как мы пять лет работали на соседних станках?..

Челноков вздрогнул, и странный мягкий звук сорвался с его уст. Соболев нервно хрустнул пальцами и так же тихо продолжал:

— И ты... не сумел удержать полк?..

Комиссар северного фронта не смотрел на своего подчиненного, но в его словах слышался такой же тихий, как его голос, укор. И Челноков почувствовал, что он краснеет от непреодолимого жгучего стыда, охватившего его от головы до пят. Он почувствовал, как вслед за лицом и шеей загорелась его спина, как нервный тоскливый зуд пронизал насквозь его тело. Он стоял перед комиссаром фронта, мрачно опустив голову, как преступник, хотя вся его вина состояла в том, что измученный непрерывными боями, походами, голодовками, он не нашел в себе сил исполнить то, что поручил ему его класс.

— Я не сделаю тебе ничего,—продолжал Соболев,—потому что у нас мало таких людей, как ты, а мы милуем кой-кого и похуже. Но мы должны исправить положение. Ты понимаешь, Челноков?..

Комиссар Амгуньского полка медленно поднял голову. Его смущенный взгляд встретился с серьезным и решительным взглядом Соболя, и в обоих мелькнуло нечто большее, чем простое взаимное понимание. Это была дружеская симпатия, может быть, даже нежность. Но она показалась только на одно мгновение. Люди стеснялись своих нежных и теплых чувств на бесстрастных, холодных путях Уссурийской ветки.

— Пойдем к командиру,—сказал Соболев.

Им требовался быстрый и правильный рецепт. Но что мог дать человек в старом полковничьем мундире, привыкший к организованным поисковым

единицам? Он уныло посмотрел на обоих сквозь потные очки в черной, почти траурной оправе и не сказал ни слова.

— Если б у меня было тогда с пяток надежных ребят, я бы удержал весь полк,— пояснил Челноков.— Но теперь его не возьмешь и с пятью десятками. Он выйдет к реке и укрепитя. Семенчук— старая лисица.

Он вопросительно взглянул на командующего, но тот попрежнему молчал. Когда-то точная и исполнительная машина теперь отказывалась работать. Соболев схватил телеграфный бланк и, вырвав из рук командующего карандаш, стал быстро писать, нагнувшись над столом.

— Подпишите,— сказал он, подсовывая исписанный бланк.— Челноков! Я сообщаю о происшедшем в ревштаб и прошу прислать один из матросских батальонов в твоё распоряжение. Ты сейчас же сядешь на дрезину и поедешь на Вяземскую. Там встретишь эшелон и вместе с отрядом пройдеши трактом к Аргуньской. Я думаю, к завтрашнему вечеру ты уже будешь там. Семенчуку больше нелегко деться. Я даю тебе все права и полномочия, какие только потребуются!

— А если он успеет погрузиться на пароход?

Соболев схватил другой бланк:

„Станица Орехово коменданту пролетарий Селезневу никаких частей без моего приказа не грузите.

Военкомфронта Соболев“.

— Орехово выше Аргуньской,— пояснил он, — там тоже есть телеграф. Селезнев зайдет в Орехово за динамитом. Ну... иди, брат... Ждать некогда.

Они вместе вышли на линию. На привязи у нагона все в том же положении стояла лошадь Челнокова. Из грустных полуоткрытых глаз сочилась мутные слезы усталости и голода. Челноков ласково потрепал ее по шее.

✓ — Ты позаботься о моей лошадке,— сказал он Соболю.— А потом...— Он на мгновение замаялся и странно дрогнувшим голосом закончил: — может, у тебя найдется кусок хлеба... для меня...

Только теперь Соболев заметил, что Челноков бледен, как песок. Кожа стянулась на его лице, резко обозначив скулы и челюсти. Под глазами выступили расплывчатые синие круги и веки чуть заметно дрожали.

Соболев убежал в вагон и через минуту вернулся с ковригой гречишного хлеба и большим куском нутряного сала.

— Есть сумка куда положить?.. Нет? Ну, возьми мою.

Он снова сбегал в вагон и принес походную сумку японского образца.

— Носи за мое здоровье,— сказал шутливо.

Но из-под ломаного козырька его фуражки смотрела на Челнокова темными впадинами воспаленных глаз еще не задавленная, не успевшая спрятаться шутрой непонятная тоска.

IV

Пароход „Пролетарий“ имел свою историю.

Когда Иманский ренштаб пришел к необходимости эвакуировать за Амур все, что поддается эвакуации, он столкнулся с рядом непредвиденных затруднений.

Прежде всего требовалось судно, на котором можно было провозить эвакуируемые грузы. Нужен был твердый и исполнительный человек, способный взять на себя такое опасное и ответственное дело. И, наконец, необходим был новый путь для эвакуации, так как Уссури пал в Амур возле Хабаровска, а в последнем сидели японцы.

В ту пору все дела на Уссурийской ветке решались не в том порядке, какой вызывался бы здравым смыслом. В первую очередь решалось дело, первым пришедшее в голову. Таким образом, и вопрос об эвакуации рассмотрен был с конца.

В течение нескольких дней штабная канцелярия занималась отысканием нового пути. Были извлечены из старых переселенческих архивов изъеденные мышами, пожелтевшие от времени географические карты, из которых ни одна не походила на другую, хотя все изображали одну и ту же местность. Командантская команда дошла на побережье загорелых рыбаков и хитрых предприимчивых скупщиков меха, могущих дать хоть какие-нибудь сведения по указанному вопросу.

И путь был, наконец, найден.

Это была Центральная протока, вытекавшая из Амура в 50-ти верстах выше Хабаровска и впадавшая в Уссури верст на 40 выше того же города. Пароход должен был спускаться по Уссури до устья протоки и, свернув в нее, идти против течения до тех пор, пока не попадет в Амур. Таким образом, Хабаровск оставался в стороне. По свидетельству рыбаков, это была глубокая протока, хотя по ней не плавало еще ни одно паровое судно.

С пароходом дела обстояли хуже. В Иманском затоне находилась старая баржа в 100 тонн водоизмещения и маленький поломанный парходик, насчитывавший 58 лет производственного стажа. Когда-то он назывался „Казак Уссурийским“, а баржа — „Казачкой“, но после февральской революции его переименовали в „Гражданин“, а баржу — в „Гражданку“. При Колчаке на нем вылавливали в задумчивых тростниковых зарослях Сунгача беглых большевиков и красноармейцев. Пароход был заново перекрашен и переименован в „Хорунжего Быкова“, а баржа — в „Свободную Россию“. За сезон „ловли“ его много раз обстреливали засевшие в тростниках партизаны, и он почти не слезал с многочисленных мелей. По мнению знающих людей, он теперь ни к чему не годился.

Председатель ревштаба осмотрел его самолично и нашел, что „можно починить“. Нужен был только человек, способный взяться за это дело.

Стали искать человека. Он должен был, во-первых, хоть немного понимать в парходном деле, во-

которых, отличаться поистине дьявольской настойчивостью и, в-третьих, его глаза не смели косить в сторону Советской России. Иначе он мог исчезнуть в первом же рейсе, как только попадет за Амур.

Надо сознаться, что таких людей на Уссурийской ветке очень мало. И все-таки его нашли. Он командовал комендантской ротой города Имана и, по имевшимся сведениям, плавал раньше на торговых и военных судах.

Председатель ревштаба занимался у себя в кабинете, когда дверь отворилась без доклада, и в комнату вошел плотный чернявый человек среднего роста, в короткой гимнастерке полузащитного цвета и простых кожаных брюках, заправленных в грубые сапоги.

— Что вам угодно?—спросил председатель сухо.

В эти дни у него бывало излишне много посетителей, и вошедшего он видел в первый раз.

— Я—Никита Селезнев,—просто сказал вошедший.—Меня вызвали по делу об эвакуации.

— Садитесь,—сказал председатель, указывая на стул.—Это очень серьезное и ответственное дело. Мы предлагаем вам отремонтировать пароход в две недели. Ни в коем случае не позже—в порядке боевого приказа.

Излагая Селезневу, в чем состояла задача, он пристально изучал его внимательное, спокойное лицо и плотную, резко очерченную фигуру. У Селезнева были сильные челюсти, прямой и крепкий нос, тем-

ные, почти черные волосы на голове и такие же подстриженные по-английски усы. Одна из его бровей поднялась чуть выше дугой и из-под обеих смотрели острые пронизательные глаза цвета полированной яшмы. На вид ему можно было дать около 27-ми лет.

— Нам требуется строгая точность и исполнительность в этом деле,—говорил председатель.— Вы сами знаете, что теперь творится. Можно сказать заранее, что вас толпой будут осаждать дезертиры с просьбой перевезти за Амур. Они будут угрожать вам оружием и, очень возможно, отправят вас на тот свет. Но мы все ходим под этой угрозой... Что вы предполагаете сделать на первый случай?

Селезнев несколько секунд молча теребил фуражку и, внезапно надев ее на голову быстрым, решительным движением, сказал:

— Ежли готов мандат, я приду к тебе через неделю и скажу, что я уже сделал.

Он сказал председателю „ты“, как говорил всем людям, с которыми встречался хотя бы и в первый раз. В его тоне вообще чувствовалась врожденная незлобивая грубоватость.

— Мандат сейчас заготовят,—сказал председатель. И, тоже переходя на ты, спросил:— Ты коммунист?..

— Да.

— Можно понадеяться, что ты сам не сбежишь за Амур?

Он ожидал, что Селезнев обидится на этот вопрос и скажет какую-нибудь резкость. Но Селезнев просто ответил:

— Можно.

Вопрос был исчерпан. Через полчаса Селезнев ушел из штаба с длинной инструкцией, ни один пункт которой не понадобился из-за ее нежизненности, и с таким же мандатом. Последний тоже не нашел себе применения, так как оборудование парохода нужно было проводить отнюдь не мандатом, а либо умением убеждать, либо силой кулака и нагана.

Прежде всего, Селезнев взял себе помощника—взводного командира Назарова из комендантской роты. Это был необычайно рослый, волосатый человек, угрюмый и несуразный, как выкорчеванный пенёк. Когда-то он работал на Сучанских угольных копях и вынес с той поры редкие качества—никуда не смотреть, все видеть и в течение нескольких дней не произносить ни слова. Несмотря на это (а, может быть, благодаря этому) он имел верный глаз на людей и умел их отыскивать.

— Вот что, Назарыч,—сказал Селезнев,—ты достань мне одного писучего и одного хозяйственного человека. А потом натаскай ребятишек для пароходной комендантской команды. Работнем—куда ни шло!..

Сам он пошел в типографию „Рабоче-Крестьянской газеты“, и на следующий день были расклеены по городу приказ и воззвание: „Всем, служившим когда-либо на пароходе „Хорунжий Былков“ и бар-

же „Свободная Россия“ явиться к коменданту указанного парохода тов. Селезневу, в контору на берегу, 22-го апреля к 8-ми час. утра“.

Первым явился на зов маленький кривоногий старичок во главе небольшой кучки веселых загорелых парней, в засаленных блузах и широких брезентовых штанах на выпуск. Он оказался судовым машинистом, а сопровождавшие его ребята—матросами с парохода.

Они произвели на Селезнева самое хорошее впечатление. У старичка были длинные, опущенные книзу хохлацкие усы и густые седоватые брови. Он, видимо, любил поговорить и после каждой фразы как-то особенно щурился. Морщины на его маленьком шершавом лице, черные от в'евшейся копоти и машинного масла, делались при этом еще чернее и глубже.

— Ты видел сво... пароход-от, голова?.. — говорил он с добрым затаенным смехом в глазах. — Дрянь посудинка-то! Ну, ничево-о, голова... нала-адим! Там в машине малость частей не хватает, дак в дepe можно раздобыть, — пойдет!..

— Как же тебя записать? — спросил Селезнев. — Машинистом?

— Люди механиком звали, а хошь пиши машинистом. Нам все едино. Мы народ не гордый...

✓ Он засмеялся мягким беззвучным смехом, похожим на шорох дыма в паровой трубе.

— Механиком и запишем, — серьезно сказал Селезнев. — А матросы тут все?..

— Пятерых нет, — сказал „механик“, — удрали, мать их вдогонку босиком!

— Босотва! — презрительно добавил нескладный чубатый парнишка. — Трусят...

— Перело-овим! — уверенно загудели остальные.

— Думают, чать, спаслись?.. Хрена!.. Тут тебе революция, а не токмо што на печке!..

Селезнев отвел ребятам место в конторе и написал им паек. Работа пошла веселее.

В тот же день пришел капитан парохода — костлявый мужчина лет сорока, одетый, несмотря на стоявшую теплынь, в теплую казачью шинель и такую же папаху. Он относился к своей судьбе со странным безразличием, и Селезнев долго не мог отгадать, каково его действительное настроение. Они вместе прошли на пароход, где уже возился маленький механик и раздобытые им неизвестно откуда слесаря и плотники. Увидев, что работа кипит, капитан несколько оживился.

— 58 лет посудинке, — сказал он с неожиданными ласковыми нотками в голосе. — Отец мой 40 лет на ней плавал. На Ханку и к Николаевску ходил. Тогда тут еще маленький поселочек был, а теперь — город...

Последнее слово он произнес с легким оттенком неодобрения и даже досады.

— Тебя как звать? — спросил Селезнев.

— Усов, Никита Егорыч.

— Тезка значит? Ладно... Так вот, Никита Егорыч, назначаю тебя старшим по ремонту. Понял?

Все, что требуется, докладывай мне. Срок — неделя.

— Недели мало,—сказал капитан, снова переходя на безразличный тон.

— Неделя,—решительно отрезал Селезнев.

Капитан помялся, потерял выцветшие казацки усы и, как-то сбоку глядя на Селезнева, сказал тем же безразличным тоном:

— Попробуем. Я хочу вам сказать, что я, конечно, не интересуюсь политикой. Но японцы тоже не по мне. Я не стану тормозить дело.

— Еще бы ты стал тормозить!—с обычной грубоватой и вместе с тем незлобивой насмешкой воскликнул Селезнев.

Но он понял капитана очень хорошо. Старый речной судак действительно боялся политики и предпочел бы сидеть дома. Но раз его сволокли с нагретого места, он решил работать не за страх, а за совесть, как работал на „Хорунжем Быкове“, когда тот вылавливал большевиков.

На другой день Назаров привел „хозяйственного человека“. Более странного и подозрительного типа Селезнев не видал никогда в жизни. Его лицо, волосы, шея, кисти рук с неимоверно длинными пальцами были ярко-рыжего огненного цвета. Веснушчатый нос чуть вздернулся кверху и совсем не вязался с горестной и немного ядовитой складкой тонких обветренных губ. При всем том „хозяйственный человек“ имел очень жуликоватый вид, усиливавшийся потрепанным клетчатым пиджачком с ворот-

ником, загнутым кверху, указывавшим на знакомство с последней модой амурских „налетчиков“. Неприятно поразили Селезнева уставившиеся в него немигающие белужьи глаза с длинными, почти белыми ресницами.

Фамилия „хозяйственного человека“ оказалась Кныш. Он должен был добывать весь необходимый материал по оборудованию парохода и заготавливать продовольственные запасы для матросов и комендантской команды. Однако, он не выразил никакого испуга или протеста, узнав про трудности своей будущей работы.

Селезнев не решился сразу ввести его в курс и велел ему притти на другое утро.

— Назарыч! — недоуменно воскликнул он, когда Кныш вышел из конторы. — Ты промахнулся на этот раз, старый братишка! Ну, скажи мне, ну, что это за фигура?..

Назаров вытащил из кармана голубенький кисет и, распустив завязку, достал из него кусок газетной бумаги и щепотку крупного коренчатого табаку. Свернув папироску, он протянул кисет Селезневу и, по обыкновению, не глядя ни на Селезнева, ни на что другое, сказал спокойным и ровным тоном:

— Это — жулик. За им придется присмотреть. Только для нас... — тут он сделал маленькую паузу и тем же спокойным тоном закончил, — это самый годящийся человек.

Чувствуя, однако, что для Селезнева его слов не достаточно, Назаров продолжал:

— Нас он не надует — факт. А других — сколько угодно. Он тебе самую последнюю гайку, хоч из-под земли, а доставить моментом... В живом виде.

Селезнев решил не спорить, а посмотреть. Но он не рискнул оставить Кныша без контроля и, дав ему на другой день задачу — добыть в Иманском депо необходимые для машины части, написал бумагу от себя, в которой точно указал, какие именно части были нужны.

— Сходи в ревштаб, пушай председатель наложит резолюцию — „выдать“.

Кныш оказался талантливее, чем предполагалось. В первый раз он, действительно, сходил в ревштаб и получил требуемую резолюцию. Однако, он сразу увидел, что это очень длинная волокитная история, а, главное, никому не нужная. Развалившиеся части и учреждения не обращали никакого внимания ни на бумагу, ни на резолюцию ревштаба, а всюду приходилось действовать самому. Тогда он засел за работу и в пять минут разучил подпись председателя, как нельзя лучше. На всех следующих бумажках, выдаваемых Селезневым, он накладывал резолюцию собственноручно и, раздобыв требуемую вещь всякими правдами и неправдами, возвращал бумажку с надписью „исполнено“. Если ему не удавалось перехитрить тех, от кого зависела выдача необходимого продукта или материала, он старался его украсть. У него было неисчислимое количество „друзей“, способных за незначительное вознаграждение выкрасть с неба апрельскую луну.

Неизвестно, какое количество различных ценностей Кныш употребил в свою пользу, но к указанному Селезневым сроку он не только достал все, что требовалось для парохода, но и нагрузил его более чем достаточным количеством муки, сала, печеного хлеба, солонины, гнилой копченой рыбы и даже липового меда.

Приведенный Назаровым „писучий человек“ оказался вихрастым синеглазым мальчуганом лет 15-ти, служившим до этого поваренком в одном из полков. Он совсем недавно бежал из родительского дома и жаждал более авантюристических походов.

— Переезжай ко мне со всем имуществом,—сказал ему Селезнев.—Будем друзьями.

Имущество синеглазого парнишки выразилось в маленьком вещевом мешке, в котором, кроме смены белья, хранилось „Руководство для кораблеводителей“, издания 1748 года, сломанный детский компас и старый заржавленный пугач без единого патрона.

Как бы то ни было, но работа в затоне закипела с лихорадочной быстротой. И каждый новый человек, каждый новый фунт краденого сала, каждая маленькая ржавая гайка, попадая на пароход, чувствовали на себе острый распорядительный глаз Селезнева и его твердую в железных мозолях руку.

Через 9 дней после начала работ Селезнев явился к председателю ревштаба и доложил ему, что „все готово“. Пароход и баржа были заново отремонтированы, покрашены и в третий раз в своей жизни

переименованы. Теперь пароход назывался „Пролетарий“, а баржа—„Крестьянка“.

К этому времени сформировалась комендантская команда. Назаров собрал ее с разных концов Имана, прошупав насквозь все фабрики, мастерские, воинские части и казачьи заимки. Это была разнородная, разношерстная „братва“, вместе с тем, странно похожая друг на друга. Тут были рослые крепко-скулые пастухи с заимок Конрада и Янковского—здумчивые ребята в широкополых соломенных шляпах с неизменными трубками в зубах. Были замасленные и обветренные машинисты уссурийских паровозов, с черными глубоко запавшими глазами, похожими на дыры, прожженные углем. Были тут и разбитные парни с консервной фабрики—с острыми ядовитыми язычками и жесткими ладонями, порезанными кислой жостью.

И, несмотря на то, что среди них имелись не только русские, но и латыши, эстонцы, евреи, корейцы и даже один веселый китайченок, ставший впоследствии поваром, они спаялись в первый же день пути прочно и крепко.

Они безропотно грузили все, что им прикажут, и в жгучий полдень, и в склизкие дождливые ночи, задыхаясь под тяжестью массивных станков и неслучайного количества орудийных снарядов. Они несли бессменную вахту у пулеметов, с минуты на минуту ожидая выхода японских канонерок, чтобы перерезать им путь, и дрались смертным боем с бесчисленными толпами дезертиров, грозивших либо овладеть

пароходом, либо „разнести и дресну паршивую посудину“. Днем обстреливали их китайские посты, как только пароход приближался к китайскому берегу, а ночью леденел холодный туман и сумрачный стлался вдоль границы Китай, суливший неожиданные хунхузские налеты.

За Амуром у каждого оказались друзья, предлагавшие не ехать назад „в чертово пекло“, обещая „устроить“ на более спокойные места без всякого риска. Но, справив дела, они неизменно возвращались обратно, шли, стиснув зубы, надвинув шапки на брови, снова вверх и вверх против течения — для новых вахт и драк, за новым драгоценным грузом.

И не знавший правил правописания бесстрастный телеграф слал по линии одну за другой деловые телеграммы, со странной непонятной подписью: *комендант пролетарий Селезнев.*

V

Этот день был несчастлив с самого начала. Около 3-х часов ночи пароход „Пролетарий“ сел на мель верстах в 12 выше станицы Орехово. Чувствовалась несомненная халатность, так как речной фарветер был изучен до тонкостей в прошлые рейсы.

Кривоногий машинист свел Селезнева в трюм и, приподняв половицу, показал ему, чем угрожает подобный опыт в следующий раз.

— Глянь, голова, — сказал он, добродушно щурясь в темноте, — дышце-то на ладан дышит, наскрозь проржанело. Еще разок сидем и — каюк.

По счастью, мель оказалась неширокой, и баржа, шедшая с пароходом „под ручку“ ¹⁾, остановилась на глубине. Вся пароходная команда, за исключением капитана и машиниста, пересбрались на баржу. Нагруженная до отказа, подталкиваемая течением она сволокла пароходик собственной тяжестью.

Селезнев вызвал капитана в каюту и, глядя в упор в его водянистые выцветшие глаза, сурово сказал:

— Мы больше *никогда* не сядем на мель. Понял?

Разумеется, капитан был очень понятливым человеком. Но все-таки вместо 4-х часов ночи они пришли в Орехово к 9-ти утра.

Измученный бессоньем, Селезнев едва стоял рядом с Усовым на капитанском мостике. Боясь уснуть, он заставлял себя изучать то неясные очертания далеких сопок, то прибрежные зеленеющие холмы, то притулившиеся к ним разбросанные избы станицы. Они все тонули в молодых вербовых зарослях. Весенний клейкий лист играл на солнце, как олово. Из кустов возле телеграфа вился кверху белесоватый, смешанный с паром дымок. Казалось, что вместе с ним тянется оттуда жирный запах сомовьей ухи. В ту весну по Уссури то и дело сплывали к низу неизвестные трупы, и от них сомы жирели, как никогда.

Селезнев заставил себя сосчитать, сколько дивчат толпится у причала, перевел глаза на игравших в пятнашки ребят и, задержавшись на бегущей друг за

¹⁾ Рядом.

Другом паре в черной и белой рубашках, поставил пари на черную. Однако, материал для наблюдений иссякал очень быстро. Ему хотелось скорей погрузить динамит и лечь спать вплоть до Аргуньской. Ему казалось, что капитан слишком копается со своим пароходом и что уж давно пора бросить якорь и пристать к берегу. Он перегнулся через перила и, отыскав на носу широкогрудого боцмана, крикнул:

— Отдай якорь!

Усов не успел еще сообразить, в чем дело, как якорь с грохотом плюхнулся в воду. Усов молча взглянул на коменданта, и на этот раз в водянистых выцветших глазах Селезнев прочел нечто очень неслестное по своему адресу. В лучшем случае это было: „если ты хочешь, чтобы мы не сядились на мель, так тоже не суйся не в свое дело“.

— Прими назад!..—крикнул капитан с оттенком досады в голосе.

Широкогрудый боцман недоуменно посмотрел на обоих. Четверо загорелых парней вытащили якорь обратно, но комендант не сказал ни слова.

Наконец, пароход причалил, и Селезнев пошел на телеграф. За ним на почтительном расстоянии шагал „писучий человек“ с тощей порыжевшей папкой под мышкой. Кстати сказать, в ней не имелось ни одной бумажки, и навряд ли она вообще была для чего-нибудь нужна. „Писучий человек“ переоделся в ватные шаровары и просторную солдатскую гимнастерку. Ему пришлось подвернуть рукава, а похожая на блин фуражка покоилась не столько на его голове, сколько

на ушах. Тем не менее, он чувствовал всю важность и ответственность своего положения.

В конторе Селезневу передали телеграмму Соболя. Она удивила его и заставила насторожиться.

— Чудасия, — сказал он „писучему человеку“, — кажись, мы ничего не делаем без приказа. Что-нибудь тут не спроста.

Около кустов, из которых тянулся заманчивый кухонный дымок, их остановил полный человечек в коричневом пиджаке и жесткой соломенной шляпе.

— Товарищ Селезнев, здравствуйте... — сказал он с виноватой, несколько заискивающей улыбкой.

Селезнев узнал председателя партийного района, в котором он состоял во Владивостоке.

— Здорово... Ты как сюда попал?

— Да вот... попал... — неопределенно пробормотал тот.

— Что делаешь?

— Да ничего... Так вот — туда, сюда... Неразбе-риха...

— Будет врать-то! — раздался из кустов хриплый насмешливый голос. — Скажи: младший гарнизонный повар! Потому, мол, ни к чему другому способностей не оказал.

Селезнев посмотрел на руки председателя района и заметил, что его пальцы порезаны и желты от картофеля.

— Что ж, и это дело, — сказал он, зевая.

Председатель покраснел и спрятал руки в карман.

— Товарищ Селезнев, — начал он, нервно мигая глазами, — не перевезете ли вы меня... за Амур?

— Разрешение есть?

— Разрешения нет, но... что ж я тут верчусь — так, зря...

„А ведь казался хорошим партийцем...“ — в недоумении подумал Селезнев.

— Без разрешения не перевезу, — сказал он сухо.

— Товарищ Селезнев... — В дрожащем голосе председателя послышались умоляющие нотки. — Я вас прошу... в память нашей совместной работы... Я... измучился, я не могу больше работать здесь...

— Слушай, брось ныть, — устало перебил Селезнев. — Я не возьму без приказа. Прощай...

Он круто повернулся и пошел к пароходу. „Писучий человек“ с любопытством наблюдал за обоими.

— Не берет, — сказал председатель со смущенной улыбкой.

Губы „писучего человека“ задрожали мелкой смешливой дрожью, но он удержался от смеха. Кинув на председателя истинно комиссарский взгляд, он небрежно произнес:

— Подайте заявление и анкету в двух экземплярах. А впрочем... я вам не советую ехать. На нашем пароходе о-очень опасно...

Комендантская команда грузила динамит. Из продолговатых ящиков тянулся дурманящий запах, от которого кружилась голова. Несмотря на усталость, Селезнев тоже присоединился к работе. Глядя на

него, примкнули и матросы, хотя погрузка не входила в их обязанности.

Потом, лежа в каюте, Селезнев думал о странной телеграмме с фронта, и даже, когда совсем засыпал, ему казалось, что неугомонная пароходная машина выстукивает те же слова: „ни-каких... частей... не грузите“...

Он проснулся оттого, что кто-то настойчиво тормозил его за плечо.

— Товарищ комендант... Товарищ комендант...

Он быстро вскочил на ноги и протер глаза. Перед ним стоял „писучий человек“ с беспокойным, несколько растерянным выражением лица.

— В Аргуньской стоит какая-то часть...

Селезнев надел фуражку и стремительно побежал наверх.

Извиваясь меж холмов, сталась вниз сверкающей лентой река. Впереди, на голом безлесном мысике, лепилась маленькая станичка, необычно кишевшая народом. Вся комендантская команда высыпала на палубу. Многие, чтобы лучше видеть, забрались даже на снарядные ящики, не уместившиеся в баржевом трюме и аккуратно уложенные наверху.

Селезнев посмотрел в бинокль и без труда различил на людях вооружение и походную амуницию.

Не было ничего удивительного в том, что в одном из пунктов прифронтовой полосы появилась воинская часть. Но он сразу почувствовал какую-то связь между ней и полученной им телеграммой.

— Товарищ Усов,—сказал он, быстро оборачиваясь к капитану,—на этот раз мы не зайдем в Аргуньскую.

— Нельзя не зайти: дрова на исходе...

Селезнев послал Назарова проверить. Дров действительно оказалось мало. Он знал, что на всем остальном пути их нигде было достать, а следовательно, вопрос решался сам собою.

— Команда... в ружье! — крикнул он жестким, отвердевшим голосом. — Пулеметчики на места! Живо!

Не глядя на побледневшее лицо капитана, он перешел на баржу и, отозвав Назарова в сторону, велел ему занять место у схода.

— Как сходи перебросим, ухо держи востро. Никого не пускай. Полезут силой — стреляй.

Он действовал так, как подсказывала ему военная сметка, и несколько не сомневался в правильности своих действий. Он чувствовал, что погрузить какую бы то ни было часть без приказа для него так же невозможно, как, скажем, Кнышу невозможно не поровнять. Его мозг работал точно и четко, как машина. Он рассчитал, на каком расстоянии от берега лежали дрова, и нашел, что если от схода протянуть к дровяным штабелям цепочку в 16 человек, то, передвигая поленья друг другу, они смогут окончить погрузку в течение получаса. Тут ему

пришла в голову мысль, от которой он даже улыбнулся.

— Кныш, иди-ка сюда,—позвал он „хозяйственного человека“.—Сегодня тебе будет большая работа. Ты, говорят, мастер заговаривать зубы. Как только причалим, слезай на берег и начинай тереться промеж братвы. Разговор заводи посерьезней: что-де, мол, пароходиска-то чуть жив — того и гляди, на дно пойдет, в протоке, мол, обстреливают каждый раз из орудий, прошлый раз, мол, сорок человек из строю было... Да что тебя учить—сам грамотный. Одним словом, прикинься хорошим дружкой, а сам пугай.

Кныш тотчас же выразил свое согласие, как соглашался и раньше на все, что ему предлагали.

— Только смотри,—предупредил Селезнев,—если какая дурь взбредет в голову...

Тут он выразительно хлопнул по карману с револьвером, и его лицо приняло черствое, почти жесткое выражение.

— Не взбреде - от...—засмеялся: — Кныш: дело знакомое.

Пароход подходил все ближе и ближе, но на берегу не чувствовалось никакого волнения. Теперь простым глазом можно было различить в толпе не только оружие, но даже выражения лиц. Они смотрели с любопытством и ожиданием, но решительно без всякой враждебности.

Пароход медленно повернулся против течения, почти у самого берега.

— Отдай якорь!..—хриплым, не своим голосом командовал Усов.

— Здорово, робя-аты!.. С приездом!..—кричали на берегу.

Селезнев снял фуражку и помахал ею в виде приветствия. Выражение его лица было также приветливо и беззаботно.

Покачиваясь на собственных волнах, пароход подошел к пристаньке. Тотчас же двое ребят соскочили на берег и закрепили концы. Чьи-то сильные загорелые руки перебросили сходни, и по ним врезалась в толпу частая матросская цепь. Двое с винтовками впереди расчищали дорогу, а за ними несколько смущенно и неуверенно тянулись остальные. Впрочем, никто не оказал им никакого сопротивления.

Стоявший наготове Кныш незаметно юркнул в толпу.

— Что за часть?—спросил Селезнев, спускаясь на берег.

— Мы — семенчуковцы!.. — раздалось несколько голосов.

— Слышал, слышал... молодцы!—похвалил Селезнев:—боевых сразу видно...

Широкоплечий скуластый мужчина в тигровой тужурке выделился из толпы и подошел к нему.

— Я командир отряда,—сказал он, протягивая руку.

— А я комендант парохода,—отрекомендовался Селезнев. „Ну, и ряжка“, беспокойно подумал он, изучая наклонившееся к нему лицо.

— Мне тебя и надобно,— продолжал Семенчук,— насчет нашей погрузки.

— Идем на пароход...

Когда они проходили мимо окаменевшего у схода Назарова, Селезнев пропустил Семенчука вперед и, незаметно тронув взводного за рукав, шепнул:

— Пошли одного парня к моей каюте. Пущай станет у дверей и ждет, пока позову...

Он с удовлетворением отметил, что погрузка дров идет полным ходом и, подхватив Семенчука под руку, вместе с ним спустился в каюту. „Главный выигрыш—время“, думал он, шагая по шатким ступенькам.

На берегу мирно дымились бивачные костры. Кныш быстро втерся в одну из компаний, „отыскивая земляков“.

— Так, так,—говорил он, хитро прищуривая глаз,— амурцы, значит? Стало быть, землячки?.. Так, так... Каких уездов?..

Оказалось, что тут имеются люди со всех концов Амурской области. Кныш знал ее вдоль и поперек и таким образом с первых же слов обнаружил себя вполне своим человеком.

— И давно вас сюда передвинули?

— Сами пришли. Нешто кто передвинет? Ка-ак-же... Держи карман шире... Тута все продано до последнего человека... Ежли командующий золотопогонник, какая тут война?..

— Это верно,—согласился Кныш.— Нашего брата везде падают... Это уж как было—так и останется.

Землю нашим мы, а хлеб кушает дядя... Куда ж вы теперь?

— Домой...

— Та-ак...

Кныш подбросил в огонь несколько щепок и с видом человека, который говорит истинную правду, но в общем не заинтересован в том, как ее примут, спокойно произнес.

— Только домой вам не попасть, вот.

— Чего так?..

— А за Амуром, братишка, такой порядочек: приезжает человек — к нему сейчас же начальство: „ваш пропуск?“... Пропуска нет, — чик... и готово... в Могилевскую губернию. Это, брат, там моментом.

— Расска-азывай, — недоверчиво протянул кто-то. — Нас целый отряд, а не то што какой один...

— Что ж, что отряд?.. Вот прошлым рельсом тоже перевезли один батальон. Нам, натурально, все едино, а у его приказу не было. Так за Амуром сейчас же орудия, пулеметы... Наставили: чик-чик-чик... — Кныш выразительно поворачивая белками и, безнадежно сплюнув на сторону добавил: — под чистую!..

Его слова действовали самым убийственным образом, но он и привык работать наверняка. Умение провоцировать входило составной частью в его многообразную профессию. Он обходил кучку за кучкой, то выпрашивая табачку, то отыскивая двоюродного брата, и всюду рассказывал о том, как „прошлым рельсом“ они отбивались от японцев в протоке руч-

ными гзнатами, или о том, что стоять в Аргуньской далеко не безопасно.

— Вот, дня четыре тому назад... Японская канонерка версты на три досюда не дошла. А мы от их всякий раз бегаем: служба такая...

В каюте Селезнев потребовал от Семенчука приказ о погрузке.

— Видишь, какое дело,—ответил Семенчук,—отправляли нас срочно и писанного приказа не дали. Командующий на словах передал: „идите, говорит, там погрузят“.

Он хитро мигал глазами и кричал после каждого слова. Ему казалось, что от этого они делаются много убедительней.

— Как же мне быть?...—нерешительно мямлил Селезнев.—Ну, ты сам командир—понимаешь, в чем тут загвоздка?... Ну, как бы ты сам поступил?..

— Да ясное дело, как!—воскликнул Семенчук.—Омманывать я, чай, не стану! Тут дело верное!

„Погру-узят“... подумал он с тайной радостью, видя нерешительность коменданта.

— Давай лучше вызовем к прямому проводу штаб?—предложил Селезнев.

— Телеграф не работает, я уж пробовал,—сворал Семенчук.—Да ты что, не веришь, что ли?

Теперь Селезнев не сомневался, о ком говорила полученная им телеграмма. Ждать дальше не имело никакого смысла. Как бы в раздумьи он прошелся по каюте и, поровнявшись с дверью, выхватил из кармана браунинг.

— Не шематись!—крикнул тугим и звонким, как натянутый трос, голосом. — Руки на стол! Ну-у!.. Поговорим по-настоящему!..

— Ты что?..—прохрипел Семенчук, бледнея. — Ты что?.. Ах ты с...

— Цыть!—оборвал Селезнев с мрачной угрозой. — Только пикни! Дыр наделаю—не сосчитаешь!.. Эй, кто там?.. Сюда иди!..

Стоявший у двери народоармеец ворвался в каюту.

— Обезоружить!

В несколько секунд Семенчук лишился всех знаков своего командирского звания.

— Вот теперь погрузился и сиди,—мрачно пошутил Селезнев. —Все равно, где расстреляют: здесь или за Амуром.

Он вышел из каюты и запер Семенчука на ключ

— Иди на берег,—сказал народоармейцу,—и позови Кныша. Скажи, мол, комендант и Семенчук зовут узнать насчет продуктов. Да пошли ко мне Назарова.

Он еще не знал точно, что ему делать в дальнейшем, но первая позиция была занята почти без боя

— Назарыч!—сказал он, когда ездовный спустился вниз. —Всю команду тихонько и незаметливо разложи по борту. Усёву скажи, пушай приготовится. Как кончат грузить дрова, скажешь мне, а кого другого пошли отдать концы. Ежли спросят на берегу: зачем отвязывает, пушай скажет, что грузить, мол, вас будем у второго причала, выше...

„Может, выйдет, а, может, и нет“, подумал он, провожая взводного глазами. Во всяком случае, ему самому не следовало вылезать наверх без Семенчука.

Минут через пятнадцать пришел Кныш.

— Ну, как там? Что говорят?..

— Да что, товарищ комендант, народ серый... Кныш презрительно почесал за ухом.

— Я им наговорил страстей—до будущего года хватит. Придет, говорят, Семенчук, будет митинговать. Только злы они—это верно.

— Ладно. Больше на берег не ходи. Ступай...

Когда Селезневу сообщили, что погрузка окончена, он не пришел еще к ясному решению. Туго перетянув пояс и надвинув фуражку на лоб, взбежал на палубу и, пригибаясь к доскам, почти ползком перебрался на баржу. Нудно скрипела ржавая цепь и где-то внутри медленно стучала машина, подталкивая судно навстречу якорю.

Весь семенчуковский отряд сгрудился у второго причала.

Бесформенная обезглавленная масса зловеще чернела на светло-зеленом фоне берега, но Селезнев чувствовал всем своим нутром, что она сплошь состоит из усталых, растерянных и обманутых людей.

Лежа между снарядами ящиками, он слышал, как пароходные лопасти со звоном раскалывали воду, и думал, как поступить. Он мог бы просто миновать второй причал, дав судну полный ход. Но тогда люди на берегу почувят измену и откроют стрельбу. Он не имел права идти на такой риск, чувствуя

под ногами 70 пудов динамита. Одной пули в трюм было бы достаточно, чтобы от гнилой посуды не осталось и следа. Значит...

Лицо Селезнева стало коричневым и жестким, как ржавое железо. Он медленно повернул голову и тихим, оледеневшим голосом бросил прилипшим к борту людям слова—простые и безжалостные, как камни:

— Вывод слушай... мою... команду... Пулеметчики приготовиться... По Се-мен-чу-ковскому... отря-аду... постоянный прицел... Выво-о-од...

С берега доносился разноголосый человеческий гомон, и густо и ровно стучала машина, как настроенное сердце зверя...

— Пли!..

В первое мгновение никто на берегу не понял, что это—смерть. Но залп следовал за залпом, а в коротких железных паузах, которые еще страшнее смерти, плевался горячим и сочным свинцом озверевший гочкис. Тогда, бросая винтовки, скатки, патронташи, сумки—все, что мешало бежать, сгибаясь к земле с непреодолимым желанием врыться с головой в зеленый ковер под ногами, захлебываясь собственным дыханием, в стихийном животном ужасе, люди ринулись прочь от берега. Они падали в траву безжизненными кулями мяса, не издав предсмертного стоны, а раненые впились в землю костенеющими от страха пальцами и, как ослепшие кроты, вгрызались зубами в изумрудный чернозем.

— Вверх стрелять! — кричал Селезнев: — допольно по людям!.. Усов, давай полный!..

Подхваченный невидимой нутряной силой, пароходик рванулся книзу и, кутаясь клубами дыма, разбрасывая в стороны белые пласты кипучей холодной пены, помчался прочь от Аргуньской.

Издательство МК РКП (б)

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

Москва, Ленинская, 26. Телефон. 4-31-65.

Ленинград, Проспект 25 Октября, № 68.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ДУБОВСКИЙ, В. — Смелые и сильные. Повесть. 214 стр. В худож. обложке. 1 р. 25 н.

БЕЛА ИЛЕШ. — Копер Степана Разина. Повесть. 84 стр. В худож. обложке 45 н.

ФУРМАНОВ, Д. — Семь дней. 114 стр. В худож. обложке. 85 коп.
„РАБОЧАЯ ВЕСНА“. — Литературный сборник группы „Рабочая Весна“ Московской Ассоциации Пролетарских Писателей. 126 стр. В худож. обложке. 85 коп.

ФЕДОРОВИЧ, В. — На лесах. Очерки. 197 стр. В худож. обложке. 1 р. 25 н.

ВЕХИ ОКТЯБРЯ. — Литературно-Художественный Альманах. 290 стр. В худож. обложке 80 коп.

„ВАГРАНКА“. — Сборник литературно-художественного кружка при Рогожско-Смоленском районе РКП (б). 116 стр. 75 коп.

ИВАНОВ, В. Хлобу. Повесть. 111 стр. В худож. обложке. С иллюстр. 60 н.

ДОРОГОЙЧЕНКО, А. — Земные небеса. Стихи. 69 стр. 50 коп.
П. ЯРОВОЙ. — Муки кузницы. Пьеса. Стр. 68. Худож. обложка. 25 н.

ШУЛЬГИН, А. — Рассказ для взрослых (из жизни беспризорных). 23 стр. 20 коп.

ШВЕДОВ, Я. — Разливы. Стихи. 118 стр.

ЦВЕТКОВА, С. — На баррикадах. 1905 г. год по воспоминаниям работницы. 36 стр. 15 коп.

„ЧАУШ“. — Татарский номсмом и Крыму (из революционного быта татарской молодежи). 65 стр. 20 коп.

МЮЛЛЕН, Г. — Спартаконцы (роман из жизни германских революционерон). С иллюстр. 114 стр. 60 коп.

СВЕТЛОВ, М. — Корни. Стихи. 79 стр. 45 коп.

БЕДНЫЙ, Д. — Главные улицы. Повесть. В худож. обложке. С иллюстрациями. 31 стр. 20 коп.

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, В. — Шаги. Поэмы и стихи. 100 стр. 80 коп.

БЕДНЫЙ, Д. — Сказка о красном петухе и мушкетерском грехе. В худож. обложке. С иллюстрациями. 16 стр. 10 коп.

Издательство МК РКП (б)
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

Москва, Ленинская, 26. Телеф. 4-31-65.

Ленинград, Проспект 25 октября, № 68.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

ЯРОСЛАВСКИЙ, Е. — Ленин и раскрепощение женщины. 14 стр. 15 коп.

Необходимая и нужная книжка для каждой трудящейся женщины, прекрасно уясняющая то значение, которое Ленин придавал работе среди женщин.

Из рецензии.

КЛАРА ЦЕТКИН. — Ленин и освобождение женщины. 28 стр. 8 коп.

Содержание. — Ушедший от нас Ленин живет. Наша задача познать учение Ленина. Только Советы освобождают трудящихся. Что сделал Ленин для женщин. Что дал Ленин труженицам капиталистических стран. Октябрьская революция и женщины Востока. Привлечь миллионы трудящихся женщин к революционной борьбе и творчеству новой жизни. Коммунизм раскрепощает женщину.

СБОРНИК СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ. 8-е МАРТА И РАБОТНИЦА. 86 стр. 20 коп.

Небольшая, но содержательная брошюра, в которую вошли статьи: Н. Ленин „Международный день работниц“, Н. Крупская „Товарищам-работницам“, „Международный коммунистический день работниц“, „Коминтерн и работница“, „История международного коммунистического дня“, „8-е марта“ — пьеса. Справочник и указатель литературы к 8 марта.

Из рецензии.

Издательство МК РКП (б)
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

Москва, Ленинская, 26. Телеф. 4-31-65.

Ленинград, Проспект 25 октября, № 68.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖЕНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ДЕНЬ. Сборник. 62 стр. 25 коп.

Содержание.—Инструктивный доклад Клары Цеткин и содоклад В. Каспаровой. Состояние женского коммунистического движения на Востоке. Отчет о деятельности Западного отдела МЖС.

ГЛЕБОВА, Т.—Что сделал Ленин для раскрепощения женщины. 80 стр. с 22 иллюстр. 45 коп.

Содержание.—Вступление. Три бремени. Путь к раскрепощению. Работница в I, II и III Интернационале. Клич Ильича. Что делает РКП (б) во исполнение заветов Ильича? Итоги Октября. I. Вовлечение трудящейся женщины в общественно-политическую работу. II. „Революция быта“. III. Освобождение от кабалы домашнего хозяйства. IV. Ликвидация культурной, экономической и технической отсталости. В партию.

КРУПСКАЯ, Н. К. — Общественное воспитание работницы. 20 стр. 10 коп.

Содержание.—Вместо предисловия (Речь Клары Цеткин). Живой социализм—это творчество масс. Профсоюзы—школа коммунизма. Участие в массовых организациях дает умение работать. Общественная работа пробуждает классовое сознание. Семья и общественная работа.

Издательство МК РКП (б)
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

Москва, Ленинская, 26. Телеф. 4-31-65.

Ленинград, Проспект 25 октября, № 68.

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

МАРТЫНОВ, А.—Провокация Карла Каутского.
47 стр. 20 коп.

МАЯКОВСКИЙ, В.—Париж. 40 стр.

СОЛЬЦ, А. и ФАЙНБЛИТ, С.—Революционная законность и наша карательная политика.
126 стр. 70 коп.

ВАРГА, Е.—Мировое хозяйство и хозяйственная политика в 1925 году. Обзор за первую четверть года. 120 стр. 75 коп.

СУДЬБЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ.—Доклад А. Луначарского и речи П. Сакулина, Н. Бухарина и Ю. Ключникова. 46 стр. 20 коп.

РУКИ ПРОЧЬ ОТ КИТАЯ.—Стенографический отчет Общего Собрания Московской Организации О-ва „Руки прочь от Китая“. 40 стр. 20 коп.

РАСКОЛЬНИКОВ, Ф.—Пробудившийся Китай. 36 стр. 20 коп.

ПРОВОКАЦИЯ СРЕДИ ДЕКАБРИСТОВ.—По неизданным материалам составил С. Штрайх. С иллюстрациями, 120 стр. 65 коп.

Издательство МК РКП (б)
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

Москва, Ленинская, 26. Телеф. 4-31-65.

Ленинград, Проспект 25 октября, № 68.

ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

Москва, Ленинская (Б. Дмитровка), 15.

ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ Издательства МК РКП (б) „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“ высылает наложенным платежом по первому требованию книги по всем отраслям знания.

ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ Издательства „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“ высылает книги без всякой надбавки к их цене на упаковку и пересылку, если вместе с заказом будет прислана их стоимость. Суммы до 2-х рублей можно присылать почтовыми марками.

ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ Издательства „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“ выполняет заказы на составление библиотек для фабрик, заводов, учреждений, клубов, для женских уголков, для кружков радио и пр.

ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ Издательства „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“ принимает на себя систематическое снабжение всех библиотек книжными новостями; книги могут высылаться в переплете, который считается по себестоимости.

ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ Издательства „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“ производит подбор подходящей литературы для каждого нуждающегося в книге или для расширения знаний по своей специальности, или для целей общего образования, для подготовки к поступлению на рабфак, в вуз и пр.

ПОЧТОВЫЙ ОТДЕЛ Издательства „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“ дает справки по всем запросам, так или иначе связанным с книгой. На ответ необходима присылка марки.

Проьба адрес писать разборчиво и указывать ближайшее почтовое отделение.